

«Продолжая разговор о Диомиде Нестеровиче Попка» по следам публикации В.И. Иванова «Фамильные тайны священника Диомида Попки»

Основной целью моей предыдущей статьи «Попка Диомид Несторович, а так ли это?» было обоснование того, что род священника и протоиерея Диомида Попки - отца известного кубанского историка, генерал-лейтенанта, предводителя дворянства Ивана Диомидовича Попки - вышел их куреня Полтавского, а также того, что фамилия Попко (Попка), это фамилия рода по женской линии. Думаю, мне это удалось. Мне очень лестно, что Иванов В.И. это подтвердил.

Пройдусь немного по другим аспектам, затронутым в статье В.И. Иванова «Фамильные тайны священника Диомида Попки».

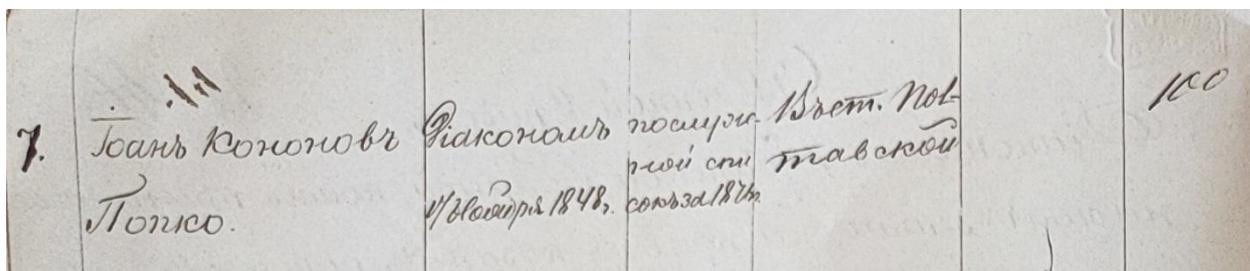
Этимология фамилии Попка/Попко.

Иванов В.И. пишет, что *«типичной ошибкой писцов является перестановка слогов и букв»*, и применяет эту возможную ошибку к написанию фамилии Попик. Но тогда изначально подразумевалась фамилия Попки, что тоже не устраивает автора, так как действительно, в большинстве случаев, эта фамилия писалась как Попка. Исследовав возможные значения слова «попки», автор возвращается к форме «попка» и приходит к заключению, что данная фамилия происходит от слова «Зрачок».

Но ведь можно допустить и обратную перестановку букв писцом, когда из фамилии Попик случайно получилась фамилия Попка (к тому же, мы знаем, что буквы «И» и «А» при плохом почерке легко перепутать). Такое звучание фамилии, возможно, вполне устроила главу рода Григория Сидорова Попку (Попик), и он не стал это исправлять. Ох, Григорий Сидорович, не знал ты, что у тебя вырастет такой знаменитый правнук и исследователям его биографии очень трудно будет разгадывать все эти фамильные загадки. Мне кажется, что пока не будут найдены новые документы, желательно по Мариупольскому уезду, откуда переселились наши герои, однозначно утверждать, что фамилия рода – Попка, а не Попик, нельзя. И напомним - эта фамилия не является родовой по мужской линии для Диомида и его сына Ивана.

Продолжаю цитировать автора: *«Такая форма как Попко, стала использоваться только его сыном Иваном Диомидовичем и внуками, причем довольно поздно. Так при издании книги «Черноморские казаки» в 1858 г. Иван Диомидович назвался – Попка, а труд «Терские казаки со стародавних времен» в 1880 г. опубликован уже под фамилией – Попко».*

Добавлю, что не только потомки Диомида стали записываться, как ПопкО, но и у полтавских представителей этого рода, в частности, у Ивана Кононова Попко (дяди Ивана Попко), в конце 70-х годов в Именном списке «Диаконам Кубанской области, коим предполагается надел земли, на правах казачьих офицеров» фамилия заканчивается на О.

Можно предположить, что как раз в эти годы Иван Диомидович Попко, работая в архиве над своей очередной книгой, нашел какой-то документ, доказывающий, что изначально фамилия записывалась как ПопкО.

Глава рода и семьи Попка

«Если подсчитать среднеарифметическое значение, то получим дату 1724 г. Пользоваться такими усредненными датами можно только в крайнем случае. Е. И. Собур в своей статье предпочитала опираться на данные самых ранних источников. На первый взгляд это кажется разумным, но часто они явно противоречат позднейшим».

Так поэтому я и опираюсь на самые ранние источники, так как потом начинается такая чехарда с возрастом, что диву даешься, откуда, что берется. Возраст то растет как на дрожжах, то уменьшается.

«В Епархиальных ведомостях Пензы за 1860+ год описывалось, как спрашивали возраст крестьянина. Отвечал - а кто его помнит, молодой был, помнил. Подключалась мать крестьянина – родился, когда пожар был большой. А когда пожар был? А когда сосед избу справил. Когда доходило до возраста детей ситуация повторялась, только заканчивалась скандалом между матерью и отцом ребёнка», - из поста генеалога. Поэтому-то, на мой взгляд, самые ранние сведения более верны.

«Главной целью куренных переписей являлась фиксация общего количества населения и особенно военнообязанного. Последнее предполагало, очевидно, более точное определение возраста, исключая малолетних и старых». Интересно, какие переписи имеет в виду Иванов В.И.? По куренному селению Полтавскому мне не встретилось ни одной переписи общего населения куреня за первую половину 19 века. Имелись многочисленные именные списки, которые фиксировали только мужское населения куренного селения. И до

1842 года в них было огромное количество ошибок: люди то появлялись, то исчезали, то опять находились в этих списках, фамилии коверкались. А с возрастом были просто чудеса. Кто в этих именных списках ищет своих предков, тот подтвердит мои слова. Порядок в них появился только тогда, когда основное военнообязанное население родилось уже в Черномории и то, примерно только в конце 20-х годов, когда во многих куренях появились церкви, а учет и ведение метрических книг были налажены.

Родители Диомида Попки

«В самом раннем источнике – Ведомости 1793 г. Агриппина имеет статус вдовы с тремя детьми. В первой общей переписи 1794 г. вдова Агриппина имеет прозвание «Кужелька». Несмотря на многообразие форм казацких фамилий, мы склонны считать, что имеем дело с личным прозвищем Агриппины, а не с фамилией бывшего мужа».

На мой взгляд, очень спорное и ничем не обоснованное утверждение. Мне не встречались примеры, когда женщины в документах записывались бы по прозвищу, а не по фамилии мужа. Это, конечно, не значит, что такого не было, но хотелось бы увидеть примеры. Забавное совпадение: фамилия моего соседа по даче – Кужель. Жену его я кличу Кужелька. По фамилии мужа!

«Проживал муж (Агриппины, 1796 год) в семье своего тестя, т. е. был приймаком, что говорит о низком его социальном статусе, зависимости от тестя». Опять не соглашусь. Все было бы так, но только не в те годы, когда только начиналось освоение Черномории. Многие семьи успели за это время построить лишь одно жилье, поэтому и жили все вместе. Много было одиноких казаков, переселившихся в Черноморию, которые женившись и пожив некоторое время у тестя, успешно начинали обустраивать свою жизнь. Мало того, курень Полтавский в 1795 году был переселен с места, которое им досталось по жребию в 1794 году, на новое, пришлось благоустройство начинать заново. Первый священник куреня Полтавского Григорий Стрешенко в первой переписи тоже был записан в примаках в семье своей жены, но уже через несколько лет его социальный статус превзошел статус его тестя.

«Весной 1796 г. в исповедной росписи у нее появляется муж – Нестор Данилов сын Миколенко, 38 лет», а «В 1799 г. зять Нестор Данилов сын неожиданно приобретает другую фамилию – Ганчаренко, 40 лет (1759 г.р.). Нет никаких сомнений, что это один и тот же человек».

К сожалению, документа за 1799 год, на который ссылается Иванов В.И. я не видела (Государственный архив **Республики Крым** (ГАРК). Ф. 343. Оп. 2. Д. 1. Л. 78 – 78

об.). Хотелось бы, конечно, познакомиться с ним, но соглашусь, что это, скорее всего, один и тот же человек.

«В Ревизской сказке 1812 г. мужем записан «Нестер Нестеров син Гончарев» с примечанием «909 года помер». Невероятно, чтобы это был какой-то новый (уже четвертый!) муж Агриппины, как предполагает Е. И. Сабур (называя его почему-то третьим): 1. Кужелька; 2. Миколенко; 3. Гончаренко Нестор Данилов сын; 4. Гончарев Нестор Несторов сын».

Уважаемый Владимир Иванович, третьим я его называю потому, что у меня не было документов из крымского архива, т.е. отсутствовали сведения на №3 по вашему списку - Гончаренко Нестора Даниловича (правда чуть выше вы пишете его фамилию через «а»). Появление новых сведений всегда дает повод к размышлению. С учетом того, что я не знала имя и отчество Гончаренко, которые полностью совпадают с именем и отчеством Миколенко, было сложно предположить, что это одно лицо. Думаю, что количество мужей у Агриппины в моем представлении сокращается с трех до двух – Кужелька и Миколенко=Гончаренко=Гончарев (с ошибкой в написании отчества при записи Гончарев).

Ваше предположение звучит так, что все перечисленные по номерам мужчины были одним и тем же человеком (мужем и отцом Агриппины). Вы допускаете вероятность того, что Агриппина, будучи в двух начальных документах записана вдовой, неправильно ею определена, так как на просторах вселенной ее муж мог потеряться, а потом вернуться живым и невредимым. Более того, если немного пофантазировать и подрамматизировать, неправильная запись «вдова» могла быть сделана не ошибочно, а, согласно Вашей мысли, по злему умыслу тестя, возможно, недолголюбивавшего своего зятя. Это кажется довольно рискованным ходом со стороны тестя, так как вдовы с детьми тогда без проблем снова выходили замуж, а сделать это без уверенности в смерти первого мужа все же затруднительно.

Еще одним доводом в пользу версии про одного мужа Агриппины является то, что и у старших братьев Диомида, Архипа и Ивана, было отчество Нестеров. Для меня это пока спорный вопрос.

Во-первых, воспитанные отчимом дети порой брали отчество от его имени. И тогда мы, не зная имени первого мужа, не узнаем, как на самом деле должно звучать их отчество.

Во-вторых, могло быть и совпадение по именам. Почему у первого мужа Кужеля не могло быть имени Нестор?

Диомид Нестеров сын Попка

«В Посемейном списке 1798 г. имеется самая ранняя запись, в которой указан младший ребенок в семье Нестора Данилова сына (Миколенко) и Агриппины по имени Дем(ь)ян (это явно ошибочно, так как настоящее его имя Диомид) – 3-х лет, т. е. родился он якобы в 1795 г., скорее всего летом (Диомиды поминаются 3 июля и 16 августа)». И в двух последующих документах возраст Диомида соответствует 1795 году рождения. А потом начинаются разные метаморфозы, «в трех последующих документах он смещается на 1797 год, что подтверждается ревизской сказкой 1812 года». Написав это Иванов В.И. тут же указывает на ошибки в ревизских сказках по другим персонам и самому Диомиду в РС 1816 года, в которой произошел резкий скачок в возрасте Диомида. Так почему одним записям в этих сказках мы верим, а другие отвергаем?

*«До поступления в духовное звание в 1813 г. Диомид значился под фамилией отца – Ганчаренко (в **Кратком** именованном списке 1813 г. и **куренной Исповедной росписи 1815 г.**) и Гончарев (куренная Ревизская сказка 1816 г.), а в церковной Ревизской сказке 1816 г. он уже стал Диомид Попка (взял фамилию деда и девичью фамилию матери)». Немного не так. Диомид записан как Ганчаренко в Именованном списке 1813 года и как Гончарев в РС 1812 и 1816 года. **В куренной ИР 1815 года** он записан как Попка в составе причта, как, впрочем, и в ИР 1810 и 1811 года.*

Прыжок в возрасте у Диомида возможно и произошел по причине, которую указывает Иванов В.И. *«Известны давние возрастные ограничения при поставлении священнослужителей, утвержденные еще Вселенскими и Поместными соборами: иподиакон поставляется не прежде двадцати лет возраста; диакон – не прежде двадцати пяти лет возраста; во пресвитера (священника) не рукополагать прежде тридцати лет, «ибо Господь Иисус Христос в тридцатое лето крестился и начал учить»». Хотя, наверное, этими же соборами было утверждено и то, что в священники можно было посвящать людей, закончивших хоть какое-либо духовное училище. В Черномории в то время это, наверное, не действовало. Священников катастрофически не хватало, поэтому, как пример, наш Диомид имел всего лишь домашнее образование.*

Я все-таки склоняюсь к 1795 году рождения у Диамиды, но допускаю и 1796. Доводы Иванова В.И., который переносит дату его рождения на 1797 год, меня не убедили. Но то, что Диамид и его сын Иван Диамидович Попко записывались по девичьей фамилии матери, сомнений ни у меня, ни у Иванова В.И. не вызывает. В первых двух документах, в которых указывается отец Диомида, ИР 1796 и 1798 года, он записан как Миколенко, в дальнейшем, возможно, его стали записывать по фамилии Ганчаров, Гончарев. Но первое

слово всегда дороже. Поэтому, думаю, что родовой фамилией этой ветки Попко можно считать фамилию Миколенко.

Приложение

Из нового про Диамида Попка

«Великому Господину Высокопреосвященнейшему Павлу Архиепископу Астраханскому и Кавказскому и кавалеру.

Екатеринодарского Духовного правления

Рапорт

Правление сие, рассматривая представленные в оное от Благочинного Протоиерея Пантелеймона Красницкого, формулярные за прошлый 1826 год о состоянии и поведении находящихся в его части Священнослужителей ведомости, находит, что он, Благочинный, священников селений Тимошевского Троицкой церкви Диамида Попку и Величковского Варваринской церкви Алексея Гливу, аттестовал по оным ведомостям следующими выражениями: 1-го хотя и показывает его состояния не худого и пьянственной страстью не заражен, но при употреблении излишних хмельных напитков безпокоен в характере, тщеславен и самонадеян, замечен в непристойных поступках о коих частию и правлению известно. Не штрафован; 2-го хотя состояния и доброго, но вспыльчив и немеролобен с сотоварищам, к пьянству не склонен и не штрафован. Как же правлению сему помянутых священников жизнь и доброе поведение несколько известно, то оное и полагает, что Благочинный Протоиерей Красницкий может быть неверно и напрасно аттестовал их с худшей стороны, единственно по каким лишь личным неудовольствиям, о чем Вашему Высокопреосвященству правление сие почтнейше донося, покорнейше просит; дабы истинно открыть вину священников в погрешностях или Благочинного Красницкого не правильную рекомендацию оным, к чему он сродин. Неблагодно ли будет повелеть в приходах вышеупомянутых священников учинить о поведении их большие повальные обыски и тогда с виновными поступить по сим Законам, о чем не оставьте архипасторским благорассмотрением.

Вашего Высокопреосвященства Милостдивейшего Архипастыря

Всегдашние и Всепокорнейшие Послушники

Протоиерей Дмитрий Грузин

Иерей Петр (неразборчиво)

Повытчик Говорчский

И прямо на этом рапорте читаем резолюцию Архиепископа: «Не следует правлению ослаблять доверенность, присвоенную Благодичным Архиерейскую властью и быть ходатаям за показанных священников, коих поведение как само правление извещает несколько токмо ему известно, а благодичному весьма известно должно быть по его ближайшему надзору о вверенных ему.

Если же они священники действительно чувствуют себя в рекомендациях обиженными, то никто им не возбраняет извиниться пред своим архипастырем и просить на несправедливость благодичного как следует формально о чем предписать указом сему правлению к вразумению».

19 ноября 2024 года

Сабур Елена